Тюрин Александр Владимирович

Корабль Судного дня

ЛитВек

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Зачуханный астероид, изъеденный шахтами и доками. И самый большой космический корабль Солнечной системы, наполненный самыми богатыми и значимыми ее людьми. Они сходятся вместе, вначале будто случайно — корабль приходит для ремонта на местной верфи. На самом деле событиями управляет особая форма жизни, вписавшаяся в созданную человеком систему. Эта встреча становится схваткой за будущее обитаемой Вселенной.

- Александр Тюрин. Корабль Судного дня
  - 1. Верфь
  - 2. В гостях у сказки
  - 3. На абордаж
  - 4. Зараза
  - 5. Встреча с Люцифером
  - 6. Если б это был эпилог

Александр Тюрин. Корабль Судного дня

1. Верфь

Я помню её совсем девчонкой, когда она выступала на соревнованиях Пояса астероидов по фигурному катанию на полусферических катках. Хауэр, хозяин верфи, оплачивал Зое перелёты на соревнования и хорошую русской тренершу. Моей жене юная фигуристка не понравилась, хотя Инга была ничего себе, а Зоя напоминала тощую козу на коньках. Мне же пришлись по вкусу покатушки девчонки из нашего захолустья, которая заткнёт за пояс любую фифу с самой Цереры.

Потом жена Инга отчалила от нашего астероидного мирка. У Зои что-то случилось с суставами, астероидникам часто не хватает полезных элементов в организме. А у верфи прогорела идея строить супербалкеры, которые должны возить никелевую и железную руду с астероидов класса М. Конкуренты, отбуксировав железный астероид Нерею на околоземную орбиту, стали дробить его и бросать в печи орбитальных заводов. Конкурентов поддержала администрация Альянса, исходя из старой идеи английских лордов, что в колониях не должно быть сильной индустрии. Хауэр расхотел оплачивать Зое поездки на соревнования, не собирался тратиться и на её новые суставы.

Не ударившись в уныние, она окончила по-быстрому под нейрософтом соответствующие курсы и купила на оставшиеся премиальные офицерскую лицензию у департамента внешних территорий под управлением ООН. Служит в полиции вольного астероида Диона, который, несмотря на гордое название, является колонией, где всем заправляют представители Западного Альянса. А ЧОП, где служу я, как и заводы, и синтетические потроха многих граждан, принадлежат Хауэру.

Мы с Зоей иногда пересекаемся по службе. Работы у местных полицейских хватает, в отличие от других обитателей Дионы.

На этой каменюке, изрытой шахтами и прочими тоннелями, скопилось несколько тысяч грубых мужиков, которым негде заработать и некуда деваться. Их ведь завезли сюда, как когда-то китайских кули на Земле, по двадцатилетним контрактам. Денег на билет в более счастливые края, у них нет и не будет. Хауэр иногда подкидывает им на оплату воздуха, на пожрать – этого хватает на съедобное говно, вылепленное на механохимической фабрике из обычного говна. Они и «женщину» – ту самую, когда «кинь порошок в корыто и оттуда выйдет Афродита» – покупают в складчину вдесятером. У большинства – пропитые мозги и изношенные органы. Но эрзац-сердце, выращенное на хитозановых подложках, и прочая синтетика – это лишь для

главарей банд.

В центральном тоннеле кучкуются лекаря, заявляющие, что умеют пришивать и отрезать члены, но которым нельзя доверить стрижку ногтей. В штреках за вторым доком околачиваются специалистки в области коммерческой любви, продающие свой товар со всё большей скидкой. На самой верфи сейчас народ нанимают временно, на разделку в металлолом старых барж, потом снова под зад ногой. Космолетчики, что ещё сходят на наш берег – сборщики космического мусора, приводящие шаланды со всяким калом. Нарики со склеившимися извилинами, да вдобавок по ним стадами ползают твурмы, биомехи-паразиты. От таких космолетчиков даже проститутки драпают.

Единственный легальный бизнес, который процветает на Дионе – похоронные фирмы вроде «Хьюман Лего», которые являются дилерами по перепродаже органов и имплантов, бывших в употреблении. Дилеры-крокодилеры.

Я глянул через иллюминатор на огромную обечайку «Олимпуса». Счастливое исключение, впервые пригодилась мегаломания Хауэра. Однако и самый крупный наш стапель в сравнении с этой космической горой, как хилая телочка с быком. Там есть всё для прекрасной жизни вечных пассажиров и система «универсальной защиты», благодаря которой им ни помереть, ни даже ушибиться невозможно. Но и «Олимпусу» оказался нужен ремонт. По объяснениям его администрации, он столкнулся с другим крупным объектом. Смотрим, что у нас по плану работ на корабле-переросте: починка двух маневровых движков, замена приличного сектора обшивки и швартовных устройств.

Я перевел взгляд на экран, где маячила голова Зои со смешным хвостиком, поблескивающим дешевой фотоникой – по-моему, девушка уже не поспевает за модой.

– Значит, лейтенант, твой клиент увидел монстра в районе пятого цеха. А чем ширялся, случаем, не доложил? Ладно, гляну записи видеокамер, поспрашиваю тараканов.

– Поспрашивай, ты с ними найдешь общий язык.

Она ушла со связи и мой взгляд увяз в убогой обстановке нашей конторы. Старорежимные пузатые головизоры, напоминающие аквариумы. Фонтанчик из сверхтекучего гелия, похожий нынче на соплю. Сломанный Робуст-127, который с тягучим шипением пневматических приводов пытается что-то протирать обвисшими щупальцами. Он мне как старый домашний пес – руки не поднимаются спровадить его в мусоропровод. Взгляд окончательно скисает на плакатах, где от наших стапелей отходят глянцевые махины балкеров, их провожают прекрасные монтажницы, чей наряд составляет лишь гаечный ключ. Всё, что

блистало во времена больших прибылей, сейчас выглядело декорацией для третьесортного сериала.

Есть десять минут, пока не придет суточный отчет по хищениям на предприятии. Это дело приключилось рядом с цехом переработки отходов. В секторе работали девятая и десятая мультиспектральные камеры, восьмая вырубилась. Подключаю своего спинтронного напарника, пусть прошерстит их записи.

Ага, нарисовался искомый нарконавт. Обычный работяга с виду, следы от жестких коннекторов на сизой лысине, похожей на подгнившую овсянку; решил отдохнуть после смены, не откладывая в долгий ящик. Разделать за несколько часов корпус целой баржи – большой напряг, даже если сидишь у консоли киборга, оснащенного мощными плазменными резаками. Держать такое чудовище под контролем при помощи нейроинтерфейса – выжимает мозги как тряпку. Пролетарии в весеннюю эпоху капитализма дули шнапс прямо во время работы, чтобы заглушить физическое изнурение. Сейчас изнурение больше мозговое, но своего рода шнапс ему тоже требуется.

Вот докер заклеился, на шее видна полоска трансодерма, как след от веревки висельной, играет яркостью индикатор впрыскивания… А это что? Позади появляется как будто размытый силуэт.

– Напарник, останови, оконтури, увеличь, убери помехи. Поживее, пока не пнул тебя по железякам.

Какой-то дефект записывающей аппаратуры? Или там существо с провалом на месте груди. Оттуда высовывается непонятно что, даже при увеличении. Докер с визгом, будто уже лишился гениталий, бросается наутек. Тварь пробует словить нашего героя за задницу, но не получилось. Скрывается за мусороприемником, где камера не фурычит.

Нечего тянуть кота за причиндалы, надо глянуть на месте. Я двинулся к двери, которая с лязгом разошлась двумя лепестками. Когда-нибудь она перекусит меня пополам и не подавится. Встал на свой старый борд и покатился на поскрипывающих роликах, якобы лишенных трения качения, к пятому цеху.

Прошли времена, когда я выделывал всякие фортеля, съезжая по трапам или въезжая вверх по стене с помощью инерционных накопителей. Сейчас чуть на ровном месте не навернулся. Остановился, чтобы убрать брошенный кем-то болт или цепную оттяжку, но рука скользнула. Тьфу, слизь. Не простая, с серебристыми вкраплениями. Через десять метров, возле сепаратора, еще один слизневый потек обнаружился. И около трубы, передающей отходы с «Олимпуса» на наши цистерны, грязные следы. Мне такое вообще поперек характера, свинство на

палубе воспринимаю как личное оскорбление. Достал свой несессер, отлепил от слизи несколько искринок, упаковал в пакетик, потом вызвал докового робуборщика.

Запросил у портового сервера информацию по тем персонам, которые сходили на наш берег с корабля-великана. Но господа с «Олимпуса» плевать хотели на затхлую Диону – не выходили ни в своем теле, ни в искусственном теле дабла. Не был замечен даже Обличитель, миллиардер-эксцентрик, посещающий по ходу движения «Олимпуса» астероидные мирки, населенные плебеями, чтобы обличить в них серость и тягу к социализму. Он, кстати, сволочь немалая, участвует вместе с эскадроном смерти, состоящим из таких же богатеев, в охоте на «врагов свободы», когда губернатор внешних территорий ООН объявляет на том или ином астероиде чрезвычайное положение.

Я посмотрел на ферму, по которой протягивалась с «Олимпуса» слегка пульсирующая труба из квазибиологического пластика, прямая кишка в натуре. Как будто что-то движется по ней, имеющее очертания тела. И камеры-то поблизости никакой нет. Попробовал увеличить разрешение своих глазокамер, но цифровой зум ни на пиксель не прибавлял информации.

Хорошо, что вовремя успел ухватить чуйкой приближение чего-то сзади и пригнулся. Всё равно меня сильно пихнуло. Пока катился по платформе, надо мной пролетело вонючее тело. Я приподнялся на одно колено, доставая пушку, выстрелил, но получилось «пальцем в попу». Что-то хлестнуло меня по руке, выбив оружие, и здоровый цветок с острыми зазубренными лепестками едва не впился мне в живот.

Я успел подать ему снизу ногой и нырнул вслед за своей пушкой, ухватил ее, выстрелил в наседающую тварь, но цель почти сразу стала нечёткой. То, что меня атаковало, сейчас удирало по ферме, ведущей к «Олимпусу». Я же прилично двинулся головой о платформу; кровь течет с бровей, как с карниза, норовя залепить глаза. А когда стал подниматься, надо мной проплыло пятно. И будто заметил я небожителя с изумрудным лицом, рубинами глаз, прозрачными кожными покровами, хромированным стеблем позвоночника и хрустальным цветком мозга. Именно в таком виде является Обличитель, когда использует своего дабла для разведки – перед очередной охотой.

2. В гостях у сказки

– Ты как? – спросила Зоя, тряхнув кудрями так, что они прыгали с полминуты; у нее там точно вставлены пружинки.

– Полежал в медпункте, оклемался. Небольшое сотрясение мозга – похоже, сотрясаться особо нечему. Робохир заштопал рану, заклеил дермопластом, теперь у меня звезда во лбу. Снял за свои услуги с моего счета 20 баксов, как с куста. Денек дома побуду…

– Не торопись на работу, тебя там ждет только мусорное ведро с элементами интеллекта.

– Я, между прочим, глава службы безопасности, в которой помимо меня, остальные лишь числятся. Липски неделю квасит где-то и присылает бюллетени за подписью врача, который известен как ветеринар-самоучка.

– Берсенефф, хочу извиниться, ты вроде из-за меня на койку попал. Могу загладить вину чем-нибудь конкретным? – она изобразила смущенную улыбку.

– Поцелуйчиками не отделаешься, лейтенант. Может, на той койке полежим, помечтаем?

– Еще благородного из себя строил, – и презрительная мина у нее неплохо получилась.

– Не только строил, а был на самом деле благородным. Безобразия, совершенные мной в будущем, никак не могут отменить мои заслуги в прошлом.

– Это, смотря какие безобразия, – и вид у неё совсем не грозный.

– Из личного опыта я вынес твердое убеждение, что тому, кто не пристаёт, говорят «нет».

– Ты проверь, что будет, если пристать, – она игриво покачала носком своего изящного форменного ботиночка с противоминными протекторами.

– Проверю, когда одна особа положит свой «Глок» в ящичек.

– Старые развратники обычно добавляют «в ящичек, где трусики лежат».

– В ящичек, где лежат сводки за последнюю неделю, – я поспешил свернуть от щекотливой темы; не хочется, чтобы во мне подозревали «старого развратника». – Лейтенант, в последнее время были сигналы о разогреве политической обстановки на Дионе? Я не о кривозащитниках, которые борются за право искусственных тел на бесполый брак. Я о реальных борцах за справедливость, вроде рабочих вожаков.

– Что имеет отношение к политике – не моя епархия. Этим

занимается департамент губернатора внешних территорий ООН.

– Который является шестеркой Альянса.

– Как и все высокопоставленные персоны, Берсенефф. По любому, политический надзор осуществляется людьми, находящимися «под прикрытием». А почему спрашиваешь?

– Явившийся мне светоносный дух – признак намечающейся охоты на людей, на которую Обличитель получит патент от губера.

– Если тот объявит чрезвычайное положение, – резонно заметила Зоя.

– Это запросто. В колониях Альянса всё больше озлобленного прекариата, который может заработать на еду и воздух, лишь если его труд обходится дешевле, чем эксплуатация биомехов.

– Да ты Роза Люксембург без юбки, – на ее лице появилось уничижительное выражение, которое я не очень любил. – Я так поняла, что кроме ужасного зубастого цветка, ты ничего не увидел.

– Грудная клетка у того типа превратилась в огромную пасть. Сердце и легкие, должно быть, сбежали куда-то пониже.

– Буду для прояснения добиваться встречи с капитаном «Олимпуса».

– Не забудь вписать в список приглашенных графа де Берсенефф. И проверь это на вашей аппаратуре, – я протянул Зое пакетик с капелькой слизи, к которой прилипли те самые искринки; правда, сейчас они едва мерцали. – След чужака. У наших дерьмо не светится.

Она направилась на выход; хорошо ещё смотрится, сзади в том числе. Зоя остановилась перед распахнувшимися ржавыми лепестками двери:

– Я поймала твой взгляд, старый развратник. Царапает.

– Будь снисходительной, золотце, я ж твой многолетний фэн.

– Иногда надо поторопится, многолетний. Иначе жизнь пройдет вприглядку. Помнишь, когда на тренировке я заработала вывих с пятерным акселем, а ты как раз зашел к Тамаре – у вас, кстати, с ней что-то было?

– Нет, точнее, два с половиной раза, со скуки.

– Ладно, не важно. Ты посадил меня на спину, встал на доску и покатил к аптекарю – тогда на Дионе не было робохиров. А когда ты взялся доставить меня домой, тебя отвалтузили ребята, которые считали меня девчонкой со своего района.

– Всего раза два по тыкве угостили, и я им пару раз.

– Если б я не завизжала, то огрёб бы пятьдесят два раза… Я тогда почти любила тебя. А ты изображал преданность перед своей экс-женушкой. Только мне тогда было восемнадцать, теперь

тридцатник. И тебе полтинник уже. Человеку в жизни дается не так много шансов.

Тут кто-то вышел с Зоей на связь через боди-трансивер – когда у человека по тонким косточкам проходит звук, это заметно – и она стала пересказывать мне:

– Нашелся нарик, который с монстром встретился. Лежит на вскрытии в бюро судмедэксперта. Он совсем плохой даже для мертвеца. Сердце и легкие начали перемещаться в хрящевую капсулу, появившуюся в брюшной полости и прижатую к поясничному отделу позвоночника. Судмедэксперт написал о быстром возвращении специализированных клеток в плюрипотентное состояние и их новую дифференциацию, что стало причиной образования капсулы. И с ребрами кавардак: преобразование в пару створок, способных к смыканию и размыканию. Похоже на то, что увиделось тебе возле пятого цеха. Сформировался зев, связанный по кратчайшей с желудком. Дыхание осуществлялось через спинные трахеи. Мужик покончил с собой от страха, бахнув гвоздем из нейлера в артерию.

Зоя выскочила за дверь, а я встал на свою побитую доску и со скрипом покатил домой.

По дороге чуть снова не упал, не из-за болта, а от осознания. Зоя права, жизнь уходит, я не использовал те немногие варианты, которые могли её как-то расцветить. Астероидники – вообще бабочки-однодневки; особенно если сравнить с не знающими износа богатеями с «Олимпуса». Последние годы доживают совсем беспонтово, превратившись в додо, донора-должника, заложив свои органы. Как израсходовал полученные за них бабосы, так отдавай концы. А из твоих органов и тканей понаделают франков. Франкенштейны – тот вид биомехов, когда человеческую плоть, взятую от додо, нанизывают на поликарбоновый скелет, скрепляя лазерной сваркой. Самое быстрорастущее население колоний Альянса, признанное как электорат решением ооновских заправил. На их производстве зарабатывает небезызвестный Б. Дарси.

Пора выкинуть из головы, что мне стыдно променять Ингу на ту, кто посвежее. Экс-супружница сейчас процветает в тех сферах, куда мне доступа нет. Удачно продала и свою смазливость, и артистические таланты. Да, я пялился на катание Зои, оценивая не только шестерной лутц. Поскольку ещё не поменял кое-что на бубенцы, любовался резвыми ножками в светящихся колготках и теми яблочками наливными, что натягивали играющий волноводами костюмчик. Что в этом плохого, если у нее всё хорошее. Хотя она тоже карьеристка. После Хауэра у Зои был еще пяток «друзей с положением» и лутцы она крутила уже в кровати.

Несколько раз подставляла меня, как в деле с хищением тонны квазиживого пластика с верфи, который пару лет ползал колбасками по канализации. Но по-другому у нас нельзя, иначе быстро на помойке окажешься. Меня, пройдет пара лет, и выпрут с верфи, заменят на дешевого франка. Превращусь я в очередного додо. Не жених уже, набор органов на распродажу.

Добрался до своей конурки, плюхнулся в расстроенных чувствах на койку; здесь, включая нее, шесть квадратных метров. У других и такого нет; для них мой скромный тубхаус выглядит целой усадьбой. Как правило, жилое пространство у людей на Дионе немногим больше кабинки туалета; биомехи спят, то есть подзаряжаются и тестируются, считай, что в ящиках. А у меня к жилью и труба магнитопровода подведена. Сейчас бутылку качественного японского виски закажу: исходное сырье – сине-зеленые водоросли с плантаций Цереры… Из шлюза почти сразу вывалилась заказанная емкость – на этикетке анимешная деваха крутится вокруг шеста, мелькая стрингами и напевая на своем японском: «Ши но суки на». Под такое пение я быстро оприходовал почти всю бутылку и вроде закемарил. Вначале это напоминало полет, будто меня втягивала атмосфера газового гиганта, Юпитера или Сатурна. Бешеные ветра трепали меня, но я не чувствовал потоков, взрывающих кожу, ломающих кости и врывающихся в череп. Тело стало переливами багровых и сиреневых красок. Цвета сгущались и смешивались, пока не превратились в слегка посверкивающую мглу.

Не размыкая губ, я справился у кого-то: «Это смерть?». Раз не отвечают, значит, нет.

Я всё же есть. Просверки моего сознания вспыхивали там и сям, взмахивая белыми крылышками, которые отсвечивали лучи невидимого черного солнца, и в пространстве моего тела, и за пределами его. Я почувствовал пузырчатую гущу своих легких и прочие свои потроха. Пространство заполнилось биениями – это работали мои органы, трепетали сосуды, как ритм-секция громыхало сердце. Затем стал ощущать скользкие шарики белковых глобул, пульсации водородных связей и мерное гудение углерода. И ниточки энергии, выходящие из-за завесы, за которой пряталось черное солнце – пронизывающие и создающие нас всех. Теперь я чувствовал гофрированную поверхность газообменной мембраны в метре от койки, пупырышки краски, образованные протечками на потолке, даже текстуру картины, которую купил у истинного художника, спьяну попавшего на Диону…

– Проснись и пей, – прямо в голову проник голос Зои, став по дороге сообществом звонких колокольчиков. – Попадаем на капитанский коктейль. Я с капитаном «Олимпуса» договорилась и

внесла графа де Берсенефф в список посетителей. Жду у второго пирса.

В руке опустошенная бутылка с задорной девицей, которая успела избавиться от стрингов. Что, я так набубенился? Или кто обманкой загрузил вирусный психософт через мой нейроинтерфейс? Опасливо потрогал разъем над пятым шейным позвонком, заглушка вроде на месте. Может, то подействовало, что вынудило докера свести счеты с жизнью?.. Ой, опаздываю.

Метнулся к экрану, но тот не захотел работать в зеркальном режиме, чтобы отразить мою скромную внешность. Послал подальше домобота, который предложил сделать яичницу – к черту змеиные яйца – и выкатился за дверь.

Зоя была не в форме, чтоб не нервировать небожителей. В укороченных брючках, открывавших её тонкие щиколотки, за которые я переживал на соревнованиях. И в жакетике, слегка отливающем золотом и подчеркивающем талию. На Дионе, где почти все дамы давно её потеряли, это выглядело открытым вызовом. Мне сразу стало стыдно за свой внешний вид. Старый, неухоженный.

– Этот стиль тебе идет, как и любой другой, – начал я с честного комплимента.

– Хоть бы причесался. Ладно, застынь, не дергай ушами, – она провела по моим волосам, помнящим лучшие времена, своей расческой-укладчицей. И у меня, помимо пробора, появился светящийся экстешн.

– Ты чего, я же не хипстер с драным задом.

– А ничего. Если у тебя не получается иметь приличный вид, сделаем ставку на эксцентричность; стильный гвоздь в шее не помешал бы. Теперь пошли. Да, та проба, которую ты передал, содержит человеческую ткань, состоящую из клеток, потерявших дифференциацию, а также агрегированные молекулярные машины. Всё яснее, что с «Олимпуса» произошла утечка.

От туши левиафана выдвинулся герметичный трап и воткнулся в приемный шлюз пирса – опять кажется, что «Олимпус» имеет нашу потрепанную Диону во все щели. Распахнулись двери, одна, другая, и на нас пахнуло богатой жизнью. Едва мы попали на корабль, нас понесло. В смысле, движущаяся дорожка. Вокруг витали радужные существа, напоминающие то ли колибри, то ли эльфов. «Добро пожаловать», – хором щебетали они. Странно было увидеть парадиз, оставив за дверью мрачный словно изъеденный психопатом астероид.

От стоянки возле осевого шлюза отлетают такси. Садимся, Зоя рядышком, рассекаем лазурь. Под нами, затем и над нами, видны озера, по которым ходят яхты – на взгляд не больше

водомерки, рощи, холмы, долины, усыпанные пряничномарципановыми домиками. Через весь диаметр «Олимпуса» проходит насквозь гора, имеющая два подножия и ни одной вершины, максимально утончаясь на оси корабля.

Гора всё ближе, расступились кудрявые облака из управляемого аэрозоля и перед нами распахнулся балкон, увитый сочным плющом. Нас приветствовала вроде как женщина, впрочем, сразу возникло подозрение; не те афродизиаки.

– Я – Асука Абэ, супруга капитана Рюэ Утияма. Муж мой скоро подойдет с вами познакомиться.

Вокруг были олимпийцы, в тогах и туниках смахивающих на облачка, а в бокалах у них будто маленькие фонтанчики. По залу с высоченными сводами и колоннами дорического ордера ходили мраморные скульптуры, биомехи должно быть, и предлагали амврозию разной крепости. Я отказался – не завтракал же, хотя букеты натуральных запахов шибали сквозь нос прямо в обонятельные центры мозга. Присутствовал и генновостановленный лев-качок из подвигов Геракла, которого можно дергать за хвост. И златокудрые мальчики – с пальчиком в одном месте, предназначенные понятно для чего. Аппетит от этого сразу испортился, но я всё ж сорвал и быстро сжевал пару плодов с мультигеномного деревца, на котором и груши, и яблоки, и что-то вроде конфет растёт.

– Давайте я вам устрою небольшую прогулку по нашему Олимпу, – это Асука конкретно мне. – Ваша коллега может пока подождать капитана здесь, в приятной компании.

– Шуруй, красавчик; можешь даже разоблачиться ниже пояса, как у них принято, – Зоя охотно подставила меня.

Диаметр «Олимпа», если учесть, что он вроде колеса, порядка десяти километров. На оси невесомость, а на ободе искусственная сила тяжести, несколько меньшая, чем на Земле. Забавно с оси наблюдать за крохотной жизнью на ободе. Там находятся жилые районы и «зеленка». Но это только ближайший уровень. Следующий за ним – уровень жизнеобеспечения, уже невидимый глазу, где силовые агрегаты, очистка воды, регенерация воздуха и такое прочее.

Асука заливает, светя мне синтетическим бюстом, похожим на два арбуза… Мол, чтобы стать членом АО «Олимпус» и его пассажиром, надо купить хоть одну акцию за сто миллионов баксов. Обалдеть, мне такую сумму и за миллион лет не накопить. Обитает тут десять тысяч полубогов. В основном, умело бездельничают, не болеют и живут, сколько пожелают. В год на «Олимпусе» не более одной смерти – какой-нибудь могучий старик, далеко за сто, пресытившись жизнью, решил отчалить в

лучший мир. Хотя, что может быть лучше? Чтобы не случилось на Земле, не стряслось на Марсе и астероидах – «Олимпус» с его обитателями будет процветать. Ему не страшны наводнения на Земле, которые затопляют берега, облепленные человеческими муравейниками. Ему по барабану восстание Африки против эксплуатации со стороны Альянса, когда потомкам западных работорговцев пришлось изведать силу лучевых ассегаев. Ему не страшны зоны радиоактивного заражения, которые образовались после серии войн на Марсе в долине Маринер. Ему не опасны ни рои разъяренных кибернасекомых, которые получились из полезных микродронов, ни одичавшие робуборщики, потомки интеллектуальных пылесосов. Ни озлобление масс, лишенных зарплаты из-за неодолимого хода роботизации в любой точке мира, где действует крупный капитал.

«Олимпус» всем обеспечен благодаря технологиям матсборщиков, кристаллической и молекулярной механике, реплицирующимся наноассемблерам и квазиживым вещам, обладающим собственным метаболизмом.

«Олимпусу» не страшно и разбухание Солнца. На этом новом ковчеге хранятся замороженные эмбрионы, споры и семена всей фауны и флоры, от самой естественной до генно-смоделированной. Если что, ковчег 2.0 уйдет к спутникам Юпитера или Сатурна, обладающим подледным океаном, который можно засеять жизнью.

Кстати, мегакорабль и система универсальной защиты является совместным владением «Дарси Итернити» и еще двух корпораций, объединенных названием Три Горгоны. У дилеров «Дарси» в любой момент вы можете заказать здоровье, продление жизни и любой вариант размножения по выгодной цене. Остерегайтесь контрафакта, пользование которым наказывается судебными органами Соединенных Штатов Атлантического Альянса по всему миру, вплоть до стерилизации и дезинтеграции…

А пока опускаемся или поднимаемся – фиг разберешь – в прозрачном лифте, который, то идет внутри местной горы Олимп, то выходит наружу. Высота у неё больше, чем у Эвереста, состоит из управляемых метакристаллов, постоянно меняющих её очертания. Вокруг нас то пещеры и гроты, то сады и водопады. По горным тропам, перепрыгивая через расселины, носятся молодые люди трёх полов на бордах или маунт-байках – они не боятся навернуться в пропасть или врезаться башкой. Система универсальной защиты всегда придумает, как их спасти.

Серебристые искорки, которые и на коже олимпийцев, и в воде, на камнях – молекулярные машины типа DEIM (Daemon

Enim Immortalitatem), в просторечии «демы», созданные корпорацией Дарси по результатам изучения особого типа молекул из атмосферы Юпитера. Они соединены в самообучающуюся сеть; это совокупность актуаторов, репликаторов, серверов. Они постоянно постигают клиента, изучают среду его обитания для достижения технического бессмертия.

Так говорит Асука, светя декольте, глубоким как адская бездна. А я ожидаю с ужасом, что у нее из-под юбочки яйца покажутся.

Если демы чувствуют опасность, мигом устанавливают связь со своим роем, переговариваются с другими элементами универсальной защиты, которые находятся внутри и снаружи от клиента. Они не дадут ему утонуть или разбиться, потому что агрегируются в сеть или набор пленочных демпферов. При угрозе переноса вредных газов, букашек или вирусов, демы создают мембраны. Что надо пропускают, а что вредно отражают. Демы находятся и в тканях клиента, мгновенно окружая и дезинтегрируя любой патоген…

Асука предлагает совместно развлечься, прыгнуть в виндсьюте. У него крылья, которые могут раскрываться примерно как телескопический веер, также имеется россыпь реактивных движителей. Куда деваться? Откажешься, баба засмеет, или кто она там.

Стою я над пропастью в крылатом костюмчике, облегающем мое незавидное тело, потом, закрыв глаза, прыгаю. В ушах свистит ветер, всё – капец, лишь бы не описаться напоследок. Но инерционные нагрузки показывают, что я закладываю виражи, привыкая с помощью нейроинтерфейса к новым конечностям – крыльям. Мы гуляем среди стада розовых облачков, похожих на зефир, перемахивая с одного на другой. Невинно резвимся, пока в пространстве не расцветает облачный цветок, созданный мономолекулярными пленками и гелием. Он создает нам укрытие и чёртова Асука начинает срывать с меня виндсьют, чтоб оперативно добраться до моей плоти…

– И как? – ехидно поинтересовалась Зоя при встрече. – Отдался ей? Такой мастерице – не грех.

Сама-то она время зря не теряла. Лишь при виде моей небритой физиономии от нее отвалила пара юнцов, а на самом деле дядек моего возраста, с прошедшей ремастеринг внешностью.

– Не ей, а ему – это я точно вычислил, у него яички в отделении местного банка хранятся. Так что грех. И не отдался, а дал в бубен от души. Затем героически прыгнул с облака, чтобы

оторваться от преследования. Если бы не ухватил за хвост какого-то пернатого, точно бы каюк.

– Привираешь, коллега.

– Вот следы от зубов на костяшках моих пальцев. Парочку клыков Асуке высадил – будет выращивать новые на зубной плантации. Вот перо из хвоста пернатого биомеха. Доказательная база имеется.

– Ты – позор для нашего свободного общества, – поощрительно говорит Зоя, потягивая коктейль, состоящий из разноцветных пузырьков. Намека даже нет, что она – «легавая».

И не дав нам пять минут побыть вдвоем, появляется капитан «Олимпуса». Белый мундир, на котором ни молекулы грязи, плюс след от засоса на бритой башке.

– Возникновение демов имеет прямое отношение к опытам с некоторыми органическими веществами в системе Юпитера? – спрашивает Зоя.

– Да, лейтенант Димитриди, лаборатория «Дарси Интернити» изучала некоторые внеземные органические вещества при создания демов. Но при разработке механизма устойчивости для наиболее распространенной модели DEIM-3 разработчики применяли математическое моделирование с использование искина класса «бог», при котором все опасные варианты заранее отметаются.

– Но у демов есть петля обратной связи и соответствующий интерфейс для адаптации к изменениям окружающей среды. Не могло быть таким путём нечто вредное закинуто в их код? Например, с занижением реакции среды на какое-то адаптивное изменение.

Капитан порастирал засос на лысине, который, похоже, заботил его больше, чем слова Зои, существа из скучного низшего мира.

– Теоретически может быть всё. Но демы настроены на одну единственную цель – поддержание технического бессмертия носителя через адаптацию к любым воздействиям окружающей среды.

– Бессмертие – понятие относительное, если не очень ясно, к чему оно относится, к индивиду, к группе, к роду человеческому. Кого или что демы рассматривают как носителя? Если главным критерием является адаптация к воздействиям среды, будут ли идеально адаптированные существа в конечном счете являться людьми?

Капитан усиленно демонстрирует, что общение начинает его утомлять. Смотрит как бы вдаль, контактные дисплеи на его глазах мерцают, и то, что они показывают, занимает его больше,

чем беседа. Пора подключаться мне.

– Господин Утияма, у нас есть материальные свидетельства того, что нечто просочилось с вашего светлого «Олимпуса» на нашу мрачную Диону. И это что-то не имеет вид прекрасного олимпийца.

– Господин Берсенефф, не думаю, что ваши материальные свидетельства заслуживают доверия. На вашем сраном астероиде, который сведущие люди называют помойной ямой Пояса, в тысячу раз больше источников биологической опасности. Не у вас ли пару лет назад поймали крысака с человеческими пальцами, способного проникать в запертые помещения?

– У нас, – смиренно признался я. Поймали и более того потеряли снова.

– Так что передайте мне ваши материалы, а на сегодня я спешу раскланяться. Было приятно познакомиться, и в самых отдаленных уголках Солнечной системы можно встретить превосходных людей. Кстати, скоро может оказаться, что мы работаем в одной фирме, коллеги так сказать.

Через двадцать минут мы с Зоей стояли на пирсе. Глядя на огромный тускло-серый бок левиафана, по которому елозили киборги-ремонтники, во чреве которых сидели наши работяги. Десятиметровые киборги казались размером не больше мошки.

– И что это было?

– Засирание мозгов, – отозвалась Зоя.

– Насчет «одной фирмы». Если Дарси приобретет верфь и Диону впридачу, то устроит здесь классическую англосаксонскую зачистку, избавляясь от непрофильных активов и неприбыльных аборигенов.

Тут Зоя получила какое-то сообщение. Неприятное – видно по ее затвердевшему лицу.

– Йург Липски убит, автоматика опознала тело. Кассетной самораспадающейся пулей – в районе седьмого дока, примерно три часа назад. Признаков изъятия органов и тканей нет.

У меня задрыгались мышцы, но я осознал, что никуда бежать не надо. Для Йурга всё закончилось.

За пятнадцатилетнюю совместную службу он ни разу меня не подставил и пару раз вытянул почти что с того света.

– Это, Зоя, сделано, чтобы я прекратил копать под «Олимпус».

– Есть тысяча других причин. Я сейчас на место происшествия, ты – нет, поскольку не служишь в полиции.

– Зачистка уже пошла – вот главная причина… Если б русские не стали бы в свое время кочевряжиться и играть в международное право, сейчас такой фигни бы не было.

– Если б Ева не подвела Адама, то всё было б в шоколаде семь

тысяч лет подряд.

История старая. Русские, благодаря своим ядерным движкам, дающим 50 километров в секунду, первыми достигли Пояса и более-менее обследовали. Затем подоспели прочие и начали говорить, что космос – «достояние всего человечества». У России случился очередной приступ приобщения к «общечеловеческим ценностям» и она сама сдала Пояс в распоряжение ООН. Ооновские администраторы поделили его между своими хозяевами, корпорациями Альянса.

Когда я готов был укатить на своей доске, Зоя окликнула меня:

– Не вздумай мстить. Я тебя знаю, ты старый, но глупый…

Вечером я встретился с тремя у стены заброшенного пакгауза, где все камеры наблюдения были выбиты сто лет назад. В старых НФ-фильмах любили показывать на астероидах и кабаки, где сидит расфуфыренная толпа в майках-сеточках, и широченные тоннели, где фланируют зеваки как по бульвару. На самом деле никто не будет платить за кислород и обогрев этих квадратных километров. На астероидах всё теснее и экономнее, носи с собой баллончик с оксигелем и не забывай о телогрейке на топливных элементах. Астероидник, если не надо ходить на работу, предпочитает торчать в своей норе. Если разжился деньжатами, закажет себе в конуру биомеха-собутыльника, который делает вид, что пьет, или «невесту» в коробке, которую можно собрать, использовать и отправить обратно поставщику. Так что места, где можно собраться и сговориться, еще знать надо.

Этих троих парней лично я привел в службу охраны, работали у меня раньше и знали Йурга.

– Никого не обязываю, – сказал я. – Я успел переговорить с порученцем Зверей, забил стрелку. Попутно он сообщил, что Хауэр продаёт верфь и всё, что есть ценного на Дионе, толстосуму с «Олимпуса». Естественно, звереныш хотел запугать меня, но это, увы, подтверждает информацию, пришедшую от других источников. Может, сам Дарси приобретает Диону. Сейчас она сильно упала в цене, так что он купит ее, считай, на сдачу, оставшуюся после захода в кафешку. А ещё он легализует банду Зверей как Службу безопасности верфи.

– Звери нас давно приговорили, – резонно отозвался Гонсалес. – С тех пор, как мы не дали им стать ЧОПом под крылышком у Хауэра.

– Мне их порученец так и намекнул. Звери, как возьмут под контроль верфь, начнут зачистку Дионы. Дарси не заботят контракты Хауэра, вызовет рефрижератор пообъемнее, загрузит туда всю местную голытьбу, предварительно отключив её

разрядом по лбу, и отправит к чертям собачьим на Таранис. Её там даже размораживать не станут. Скажут, что холодильник по дороге испортился и довезли одну тухлятину. Так что, господа камрады, кто со мной на свидание с посланцами ада?

– Серьезный зашквар, но я с тобой, – определился Андраник.

Небойша просто кивнул.

– Куда ж я без вас? – сказал Гонсалес. – Если вас того, мне скучно будет.

– Сейчас карту на ваши глазодисплеи выведу… Стрелка рядом с бывшим заводом по синтезу белка. Он над местностью господствует, если перекресток нескольких тоннелей и платформ можно так назвать. Небойша заранее приткнется на заводе около центрифуг – у него в секторе обстрела вся их кавалькада окажется, которая въедет со стороны мола. А мы, если что, смещаемся за эту низенькую переборку, она крепкая, потому что прикрывает магистраль сжиженного кислорода. На схеме коммуникаций, которая вряд ли известна Зверям, потому что для служебного пользования, есть кое-что интересное. Канализационный канал с тремя колодцами…

Небойша отправился первым – по заваленному мусором, но все еще проходимому ремонтному тоннелю. Когда он занял позицию, двинулись остальные.

Разговор со Зверями, как и ожидалось, не склеился; нам предложили быстро свалить с верфи и далее не возникать. Небойша как раз передал на мои динамички, встроенные в челюсть, что держит под контролем двух Зверей, которые забрались во флигель белкового завода, где автоклавы стоят. Я оглянулся – Андраник и Гонсалес прикрыты тушей сломанного погрузчика. От них до переборки не более 7 метров.

– Работаем, – сказал я, сделал шаг назад и, соскользнув в канализационный колодец, припустил по каналу. Отметил, что тело пока слушается меня, межпозвоночные диски еще не напоминают о себе, потому что парочку из них вовремя поменял, когда получил от Хауэра последнюю премию. Когда надо мной появился просвет люка – на пару секунд стало страшновато; наверху вовсю свистело. Но подоспевший Гонсалес подтолкнул сзади и я бодро полез наверх. Затем рывок, перекат влево, два моих выстрела под днищем сломанного погрузчика, кажется, там виднеется чье-то брюхо. По крику Зверя, съевшего пулю, ясно, что попал. Теперь еще перекат. Прямо надо мной прошла пуля в просвет между гермокарами, на которых подъехал неприятель – это Андраник активничает.

Небойша сообщил, что снял одного из тех Зверей, что засели на белковом заводе. Я рванул в просвет между гермокарами.

Через мгновение передо мной возникло несколько упитанных морд. Несмотря на спешку, я заметил, что кормежка у них явно лучше, чем у нас. Они оборачивались на меня, но как-то вяло, звуки вязли, да и мои собственные действия выглядели медленными. Но я ощущал, что Звери будут делать в следующие секунды.

Выстрел, затем бодрый нырок в ноги тому, кто наводит на меня оружие. Тот, падая, стреляет, его пуля рвет рукав у моей куртки, но проходит мимо тела – теперь моя очередь. Еще один стоит ко мне в полоборота, оружие обращено к Гонсалесу. Хоть невежливо стрелять в бок, но придется – тот готов.

Кто-то пытается выглянуть из-за открытой дверцы машины, я стреляю сквозь нее, проталкивая две пули в одну пробоину. Достал. Еще несколько выстрелов и здесь не осталось ни одного функционирующего противника.

– Чисто, – говорит Гонсалес, у него счастливое лицо.

Но звучит выстрел – со стороны белкового завода. С дополнительным бжиканьем. Что-то бьет меня под ключицу. Еще выстрел – оттуда же. Гонсалес сползает по борту машины, глядя удивленными глазами, как кровь толчками рвется из шеи. Пуля вошла в тело над бронником.

Всё ведь уже закончилось, разве Небойша не нейтрализовал тех двух гаденышей?

Пока подскакивал к Гонсалесу, прозвучал еще один выстрел, только в стороне, и Небойша сообщил:

– Завалил второго Зверя, который на белковом прятался. Не мог его достать, пока он не высунулся из-за автоклава и не начал стрелять.

Я пытался пережать поток крови, бьющий из Гонсалеса, и понимал, что не получится. Он посмотрел на меня меркнущими глазами и отошел...

Трех раненых Зверей добил Небойша – экс-солдат был без комплексов; эти являлись франками – судя по следам на коже от сшивки додо разных национальностей. Андраник заштопал мне рану степлером и наложил дермопласт, который вводит коктейль из патоцида и анестетика. Пуля шла рикошетом и застряла в мягких тканях, такую лишь хорошо настроенный робохир сможет вытащить. Использованные стволы сдали Небойше, чтобы припрятал. Он первым отчалил, потом Андраник, который еще проверил, не осталось ли записей происшествия на окрестных камерах и, что обнаружилось ненужного, потёр сверхпроводящим электромагнитом. Гонсалеса придется оставить здесь – прости, дружище, мы все – набор органов для «Хьюман Лего».

Из-за застрявшей пули с расщепляющимся наконечником

перспективы выглядели неважнецкими. В больничку нельзя, сдадут полиции и не факт, что лейтенанту Димитриди. Попаду к Бергеру, который меня однажды чуть не замариновал в тюрягу на семь лет; и доказывай, что у нас была честная битва при белковом заводе. Домой – нельзя, камеры засекут, что из меня кетчуп полез. Оставалось одно – податься к мусорным коллекторам, в гостиницу минус пять звезд.

3. На абордаж

По дороге встретил две фигуры, упакованные в матово-черный экзоскелет – с виду большие жуки. Я, укрывшись за тумбой пневмонасоса, опознал этих жуков, как сотрудников ЧВК «Блекджек» – точно не Звери, одни рейлганы чего стоят. Значит, о происшествии стало известно и Дарси перебросил подкрепление. Подствольники у них – пусковая установка для противопехотных ракет с боеголовками типа «жди меня», соображающими не хуже ушлого москита. От такой за углом не спрячешься. Теперь мне придется вспомнить молодость и проехаться на борде по пересеченной местности, чтобы добраться до люка вентиляционной шахты.

Скатился по крыше склада, с нее на наклонную стену соседнего пакгауза, далее соскок на трап – едва не навернулся, далее слалом по ступенькам и соскользнул в шахту. Блекджеки успели меня заметить – была пара вспышек по сторонам от выстрелов рейлгана.

Я в тесном пространстве под платформой, борд застревает в грязи и дальше не едет, скачу на четвереньках как крокодил, даже в полусогнутое положение не подняться. Повернув голову, вижу, как недалеко появился факел ракеты. Пошла по спирали, потому что головка не смогла сразу ухватить малоконтрастную цель. Тут я заметил крысака. Ему было, конечно, на меня плевать, но эти мутанты всегда торопятся туда, где есть чего погрызть и можно спрятать задницу. Чешу за проворным зверьком, протискиваюсь через ржавую щель, чуток опережая ударную волну и град поражающих элементов от разорвавшейся боеголовки. Шлепаюсь в какой-то гундящий и вибрирующий мусор. Тяжелой болью отдает рана – кажется, дермопласт отлетел.

На меня направляют свет. Я в куче использованных секс-игрушек, некоторые еще продолжают играть. Вокруг странный коллектив. Название я им знал – банда помоечников, хотя себя они обозначают более уважительно – племенем. Их подозревают даже в каннибализме, хотя, максимум, в чем они провинились – в безбожном редактировании генома ради усиления нюха и осязания.

Основная их работа – выискивание в мусоре, прошедшем через сепараторы, того, что можно загнать старьевщикам. Кристаллов кубитных процессоров, терабайтных накопителей и такого прочего. Органика, сбрасываемая Дионой и приходящими кораблями, тоже притекает сюда, в коллектор. Включая то, что осталось от горожан, которые задолжали владельцам ресурсов за

воздух и воду. Мелкие крокодилеры, не имеющие крутого оборудования, изымают печень, сердце, почки, килограмма три тканей; прочее, без затей, спускают в канализацию. А помоечники вылавливают из стоков органические чипы, импланты, квазиживую синтетику; торопятся, пока крохотные дизассемблеры не переработали отходы в удобрение для оранжерей. Эти ребята своими кривыми пальцами, усеянными пупырышками рецепторов, ощупывают всё, что твой крысак, а длинными квантово-чуткими носами обнюхивают, улавливая колебания молекул ценных веществ.

Человек пятнадцать пялятся на меня. Не считая тех, кто не смог отвлечься от сортировки мусора.

– Привет санитарам леса, труженикам помойки, – дружелюбно начал я.

– Раздевайся, – откликается вождь племени.

Не так уж я испугался. У меня пушка в кармане. Но если эти кинутся со всех сторон и у них найдется кусари – пучок мономолекулярных нитей с крючками на конце – мне абзац. Лучше договориться. Однако на вожде столько налеплено трансодермов, создающих коктейль из нейромедиаторов, что он едва ли чего-то соображает.

– Вы извращенцы или дети подземелья? Забыли, что все люди – братья, в том числе и сестры?

– Снимай одежу, придурок, и чеши отсюда, – с возмущением в голосе отозвался вождь сапрофитов.

– А я не стриптизер.

Подкатил еще один, с третьим глазом. Такие «живые плантации органов» околачивались в районе пассажирского причала, пока сюда залетал турист, желавший получить за полцены новый член. А попутно обворовывали гостей при помощи юрких киберпаучков – запусти их потихоньку в карман клиенту и готово, даже информацию с интракорпоральных чипов считают.

– Знаю его, Берсенефф с верфи. Он расследованием занимался по поводу нападения монстра на докера, потом стрельбу со Зверями устроил. Вон у него дырка кровавит.

– Чем тебе Звери не угодили, Берсенефф? Вы ж одной породы, – ехидно спросил вождь.

– Всем. А за ними идет «Блекджек». Будут Диону чистить, поскольку она вместе с верфью переходит в собственность Дарси. Это главный поц на «Олимпусе» – видели бачок-переросток, который сейчас на ремонт пришел? Из почищенной Дионы зоопарк сделают, потому что у них там монстры завелись. Ребят вроде вас – в криокамеры и на астероид Таранис, печально

плывущий за орбиту Юпитера; дожидайтесь там второго пришествия. А какой-нибудь криворукий криогенщик забудет вам влить гликопротеины-антифризы…

Тут мне стало не по себе из-за нехватки кислорода. В осадок выпал, бери меня тепленьким. Когда очнулся – сперва проверил, на мне ли штаны. Они, по счастью, на месте, однако мою пушку помоечники умыкнули. Бабушка-яга, шипя изношенной гидравликой, выковыривала мне механической рукой осколки из раны, затем залепила ее куском искусственной кожи, выращенной на трупном коллагене. А в разъем на моей вене был любезно вставлен баллончик с оксигелем.

– Эй, Берсенефф, – вождь приметил, что у меня зажегся взгляд. – Мы знаем, как попасть на «Олимпус». Монстры приходили, пользуясь трубой, по которой стоки с корабля попадали в наш коллектор. Выбираясь оттуда, они пятерых у нас разодрали, братцу моему выжрали печень и мозги за милую душу. Пока мы это дело не просекли и не залили там всё токсинами, несмотря на визги. Один из моих бойцов сползал по той трубе на «Олимпус».

Вождь помойного племени развернул листок е-бумаги и стал чертить по ней пальцем – та превращала корявые линии в подобие чертежа.

– Здесь у них междудонное пространство как на любом корабле, только огромное. А это типа корабельные флоры. Между ними, в диптанках и цистернах, запасы всякие, от жидкого кислорода до воды. Выше, как и полагается, машинное отделение.

– И как туда попасть?

– Забираемся тут, проходим шлюз – код доступа уже подобран, и работаем, – сказал вождь, чьи глаза светились от предвкушения. – Разведываем, сметаем всё, что можно унести, что нельзя – ломаем. Один кубометр вещества на «Олимпусе» стоит, в среднем, миллион баксов. Лично читал.

– Это ж в среднем. Но я по-любому с вами, у меня с ними свои счёты, только пушку отдайте.

– Мы еще с тобой не разобрались. Может, ты – засланный казачок, – улыбнулся острыми акульими зубами вождь, показывая, что лучше его не доставать

– К вам я случайно попал, так? Стал бы я за друга мстить, пулю ловить и втравливать себя в историю с Дарси, лишь для того, чтобы влезть кому-то в доверие в вонючем подвале? Значит, казачок не засланный, а самый натуральный – у меня прапра есаулом был в России сто лет назад.

– Ладно, Берсенефф. Я тебя в видении своем видел, таком, что Нострадамус отдыхает; ты попирал ногами тварь с большой

пастью, потом улетел на Юпитер вместе с остальными чудовищами. Пойдешь со мной. Только пушку я тебе не верну. Мне она нужнее, но кое-какое оружие получишь.

Всё-то у этого ясновидца к рукам прилипает; хотя сведения о Нострадамусе в наше время, когда невежда на невежде сидит, делают ему честь.

– Мы что, пираты, получается? – протянул тощий мужичок, который многие годы проработал игрушкой, судя по ржавым тродам, вставленным у него, куда ни попадя. Такого подключи к консоли, начнет танцевать как медведь. Это такой зверек ручной, вроде кенгуру.

– Пираты там, на «Олимпусе», – верно заметил вождь.

Помоечники стали бесстрашно собираться на войну; у Прыга, похоже, интерфейс к ним ко всем. Вибротопоры, пращи из нанотрубок. Даже клей – прилепиться к чему-нибудь, если на «Олимпусе» случится разгерметизация.

Оружие я получил – гаусс-арбалет. Вместо тетивы соленоид, швыряющий стальные штыри, заряда у конденсаторов на десяток выстрелов.

И мы поползли. В трубе не спасали от вони даже затычки в нос, и что-то затекало за шиворот, несмотря на полученный плащ-презерватив. Триста метров по отчаянно скользкой поверхности, где без «кошек» никак – и вот мы на борту «Олимпуса».

Пространство неясных объемов, сжатое сверху и пересеченное плоскостями, проницаемыми, не сплошными. Едва просматриваемое благодаря двухканальным глазокамерам, вроде той, что у меня. Совсем неподалеку что-то чмокало и наводило жуть. Потом мы услышали: «Помогите, помогите». С небольшого расстояния, не очень разборчиво.

– Прямо всем отрядом не пойдем, – предусмотрительно сказал Прыг. – Пускай он идет и проверяет.

Вождь однозначно показал в мою сторону, заодно хлопая по рукоятке отнятого у меня пистолета, типа лучше не отказываться. Спасибо за доверие... И я пошел на звук. Сперва увидел рыхлого раздутого субъекта, который как-то подрагивал. Это точно не он звуки издавал. Из неподвижного рта течет слизь. А за ним копошится кое-кто ещё.

Я подумал, что эта парочка занимается тем самым, что сейчас модно и выгодно, однополой любовью. Но потом рыхлый завалился набок – дохляк, не первый час. А тот другой занимался совсем не *этим*. Он объедал первого со спины, оголив уже его хребет. Однако не ртом. Его грудная клетка створками разошлась в стороны и оттуда вышли огромным цветком четыре зазубренные челюсти. В глубине зева как будто червивилось что-то, может

отростки. Голос исходил оттуда.

Я вовремя отшатнулся – едок прямо из сидячего положения прыгнул на меня. Я выстрелил в него из своего арбалета – и смазал. Целеуказатель на глазокамере глючит, потому что продавец-зараза меня нагрел. Зато я удачно метнулся в сторону и монстр тоже промахнулся, шмякнувшись о плоскость флора.

Прожорливая тварь в быстром перекате поднялась на ноги – жилистые, с приподнятым от пола пяточным суставом – и снова бросилась ко мне. Эти гады – упоротые! Я сиганул в вырез флора. Но вслед за мной туда нырнул и монстр.

Мне под ноги подкатился обрезок трубы. Никаких размышлений, подхватив его, нанес прыгнувшей твари удар по башке, а когда она завалилась набок – ударил словно копьем, вглубь «цветка». Створки грудных челюстей хрупнули, пытаясь разгрызть трубу, вырвали ее из моих рук и… тварь вроде подавилась.

Оружие-то мне мужичок-игрушка подкинул. Следом появились и другие люди Прыга, изрешетив прожорливого монстра арбалетными стержнями.

Можно радостно порассматривать поверженное чудище, что у него за потроха? Но послышалось грохотание из разных концов этого непонятного пространства, и оно нарастало.

– Через пару минут их тут будет больше, чем народу на распродаже. Надо уходить.

Мы двинулись к ремонтному люку, который еще лазутчик Прыга усмотрел, а монстры вовсю сыпались через отверстия флоров. Лучшего наименования, чем вурдалаки, учитывая такую хавалку, им не подберешь.

Поскольку оторваться не успеваем, Прыг командует пронзительно бабьим голосом:

– Держать линию, прикрыть фланги, не забывать о тыле. Пращники бейте в задние ряды наступающих врагов, старайтесь вышибать их, когда они лезут через флор, арбалетчики стреляйте в передние ряды.

Все было как в битве при Азенкуре. Прыгу бы жить лет на 700 пораньше, тогда б ему цены не было. Герцогом б стал; на худой конец, бароном.

Что-то невидимое сдернуло с места одного из наших бойцов, того мужичка-игрушку, уволокло к противнику, где пара вурдалаков легко разорвала его, только худые кишки и мелькнули. Потом потащило еще одного, моего знакомца с третьим глазом; орал он тоже за троих. Я догадался, что его зацапали невидимые щупальца. А тащит его к себе на обед тот активист, у которого более всего пены из пасти. Засадил я в

вурдалака каленый стержень из своего гаусс-арбалета и с испуга попал прямо в брюшную капсулу. Затем, дернувшись вперед и ухватив помоечника за шиворот, вернул обратно в наши стройные ряды.

– Я и Берсенефф прикрываем, – распорядился Прыг. – Главные силы – к ремонтному люку.

Он отстрелял боезапас моего «Глока» и лишь парочку монстров угомонил; глазокамеры у него с помойки, ясное дело. Поэтому меня с ним отрезали от главных прилежно драпающих сил.

– Сейчас проходим пару флоров, далее через пустой диптанк, а за ним другой ремонтный люк, – оптимистично поделился Прыг.

До диптанка добрались, открыли вход и двинули насквозь. Сам он размером со спортивный бассейн, внутри не пусто, а загаженной воды по пояс. Рядом вынырнуло существо, вроде того, что недавно жрали на моих глазах, только вполне живое. Разбухшая голова, из темени сочится слизь, будто кости черепа разошлись, живот тоже раздутый, слизеточивый. Обернуто белесым наростом, вроде мантии моллюсков. Смахивает на живых мертвецов, драугов – видел таких в детской книжке.

Обозначились и особи, что закрепились на своде диптанка – похожие на драугов, только усохшие, со сползшим на грудь лицом; вроде чехла или куколки для чего-то находящегося внутри.

Прыг оказался слишком близко от одной из них. Из чехла выглянуло существо, с животом, прилипшим к спинному хребту, значит голодное, с остроконечным хоботком. Чистый упырь. И разом зацапало вождя, связав ему руки, стало подтягивать к себе. Я кинулся резать невидимые нити своим перочинным ножом – те были прочны как гитарные струны, наверное кремнийорганика. В итоге, обрезал одну-две, и из-за инерции плюхнулся в воду с головой.

Пока выныривал, меня со всех сторон окружили драуги, мелькая бельмами. Вроде незрячие, а тепло чувствуют. Одному из них пропорол мантию, прорвался из окружения. А Прыгу ничем не помочь. Спеленут, подвешен кулём под сводом и проткнут сосательным хоботком. Брюхо упыря раздулось, набравшись кровавого содержимого, которое он со стрекотом выкачал из вождя помоечников. Перед тем, как уйти в лучший мир, успел бедняга прошептать, скосив ко мне побагровевший глаз: «Берсенефф, лови код авторизации… Ты покончишь с «Олимпусом»». У него из кармана выпал тюбик с универсальным клеем, после чего он с усилием добавил несколько слов. И я

понял, кого Прыг напоминает – предыдущего директора верфи, М. Окс, которую уволил Хауэр, когда лопнула ставка на строительство супербалкеров. Он тогда был женщиной. Именно Окс меня на работу принимала в охрану верфи.

И тут вода из цистерны стала уходить, продувка пошла. Вместе с бурлящей жижей поплыли куда-то и драуги. Чего не скажешь об куколках, прилипших к своду. А тот упырь, который вытягивал кровавый сок из Прыга как из стакана, пальцами ноги сжимал мой пистолет!

Он посчитал, что я буду драпать, а я, наоборот, подпрыгнул и, ухватившись за его пальцы, отсек парочку из них вместе со своей пушкой. И шлепнулся вниз. Обернувшись ко мне своей раздвоенной челюстью, он стал спускаться.

Я, швырнув куртку в его цепкие щупальца, успел загнать в пистолет запасную обойму – не нашли помоечники у меня заначку – и подстрелил упыря, когда его сосательный хоботок был в десяти сантиметрах.

Это ненадолго замедлило бы развязку, если б я не провалился сквозь раструб патрубка и меня не понесло по трубе вместе с драугами. Еще немного и захлебнулся бы, но твари уже прогрызли в нескольких местах водовод и меня выбросило в рыхлые слои теплоизоляции под обшивкой.

4. Зараза

Я ползу по тоннелям, проделанном в аэрографите, который заполнял пространство между переборками. А за мной ползли монстры – они ведь эти ходы и прогрызли.

Карта, составленная Прыгом, точнее экс-директоршей Окс, не подвела. Я добрался до машинного отделения, попав в него через здоровенный клапан сброса избыточного давления. А там циклопические машины, один насос величиной с десятиэтажный дом, вокруг него трап с горизонтальными платформами, по которому можно на следующую палубу подняться.

Но на первой же платформе мной занялась пара бдительных биомехов, а в руках у них кривые клинки вроде малайских крисов. На лезвиях, заточенных до одноатомного предела, играет интерференционными узорами свет. Холодное оружие – это разумно, огнестрельное может нанести ущерб важному оборудованию. Точнее, это их руки заканчиваются длинными когтями. По их мнению, я должен был обделаться от страха или получить запор от огорчения. Так оно едва не вышло.

Я толкнул на них тележку транспортера. Но эти черти легко перемахнули через неё. Тогда спасай крепежная цепь, которую я подхватил на платформе. Хлестнул ею с поворотом. Один ее конец, обмотавшись вокруг играющей шарнирами шеи биомеха, прилетел обратно ко мне – в левую руку. Другой биомех сразу прыгнул ко мне. Я хлестнул вторым концом цепи, который обмотавшись у него вокруг шеи, вернулся в мою правую руку. Рванув в просвет между биомехами, оказался позади них. Они развернулись ко мне, цепь еще намоталась на их шеи, столкнув головами, отчего один из них отрубил коготь другому. Мне самое время подхватить трофейный коготь и ретироваться. Только не по трапу.

Я повис на бухте кабеля, переносимой краном. И вскоре оказался на балке кранового моста, где встретился со биомехом-спиннером. Хелицеры, генетически позаимствованные у паука, но откалиброванные под человеческий рост, щелкали и играли разрядами, показывая заимствования у ската. Спиннер дернулся ко мне, я воткнул в него трофейный коготь. Биомех стал глубже нанизываться на коготь, чтобы дотянуться хелицерами до моего горла; легко самурайствовать, имея регенерацию поврежденных тканей а ля гидра. Я отпустил коготь и сделал шаг назад – противник по инерции полетел носом вниз, я только немного задал ему направление.

Когда пробежался до концевой балки, огляделся. Метрах в

двадцати – площадка лифта. Я проскакиваю по балке, спрыгиваю на аварийный трапик и вскоре там. Рядом останавливается лифт, внутри человек в комбезе техперсонала. Вместе едем вверх.

Лифт, поднявшись из машинного отделения, минует несколько уровней и останавливается на палубе «Е». Человек собирается выходить.

Полетели белокрылые бабочки и я почувствовал в ворохе его внутренностей шину расширения. Значит, это тоже биомех, который выполняет команды, падающие из стека. Дальше была короткая схватка, которую я начал с подножки. В итоге я, вытащив заглушку из своего шейного разъема, вставил туда чип-идентификатор, который сколупнув с решетчатой перегородки, защищающей и охлаждающей спинтронные мозги биомеха.

Назвал палубу и кабина лифта послушно проехала до нужного уровня. Я вышел в тропический лес. Стрёкот цикад оглушал, воздух напоен влагой, камень под пальцами как настоящий и мох на нем. И листья как листья, почти. Только немного шевелились, показывая себя гетеротрофами.

Обойдя скалу, увидел водопад, разбивающий голубую гладь озерка – он изливался вроде как с «небес» этого цилиндрического мира. Вдруг сверху упало тело – в гроздь пузырей, предусмотрительно возникшую на поверхности водоема. Следом второе, третье. Вот уже группка счастливых юношей и девушек пробежала мимо меня, скрывшись в лесу. Ноль внимания на мою персону, потому что трофейный идентификатор обозначил меня биомехом.

– Шестьдесят, семьдесят, семьдесят пять лет – столько намотали эти «девы и юноши».

Это персонально мне. Я обернулся на голос и поперхнулся.

Она напоминала мою экс-жену. Я едва не сказал: «Инга, не фига себе встреча». Кудрявые волосы с легкими переливами дизайнерской фотоники, желто-зеленые глаза, в которых благодаря встроенным дисплеям скачут цифирки как чертики. Правда, ростом повыше и пофигуристее. Попробовать дать от нее деру или в заложники захватить?

– Ни то, ни другое, – уловила ход моих мыслей небожительница. – Сначала познакомимся. Я – Ариадна. Вы, Берсенефф, можете не представляться. Сейчас на «Олимпусе» начнется паника. Трансформанты прорвались из сферы жизнеобеспечения. У нас думают, что монстры несут заразу. На самом деле заразой становится то, что было универсальной защитой – сами демы.

Я озадаченно посмотрел в глаза женщины. А в них сейчас отражалось то, что происходило за моей спиной. Пришлось

срочно обернуться.

Те, кто недавно выглядели юными полубогами, как раз возвращались из леса. Игры закончились. Грузные, отечные, со свисающими животами и отвисшими щеками.

Их клетки меняли дифференциацию и делились как бешенные – я этого, конечно, не видел, хотя немного ощущал. Измененные клетки пенной волной неслись по организму, занимая новые места. Это происходило в миллион раз быстрее, чем принято в природе. Молекулярные машины своими маленькими ручонками меняли экспрессию генов. Включались участки ДНК, бездействовавшие десятки миллионов лет. Транскрипционные активаторы пробуждали спящие HOX-гены, которые задавали новую форму тела. Энзимы бодро резали генные цепочки, связывая их в пучки. Клеточные транспортеры лихо подтаскивали аминокислоты. Разбухшие рибосомы резво протягивали через свое нутро пучки генов, выдавая на гора штабеля протеинов.

Раньше на небожителей работали «живые плантации» с какой-нибудь Дионы, теперь они сами стали инкубаторами новой жизни. Экс-олимпийцы тужились, потом их разрывало. Выходящие наружу комки плоти расправляли члены, разгибали конечности и сразу становились в три раза больше, напоминая то ли саранчу, то ли кикимору – у меня была книжка с русскими сказками в далеком детстве.

Одна их этих кикимор немедленно вогнала хоботки-катетеры внутрь тела жертвы, такой же твари. Жертва еще жила, но была включена в метаболизм агрессора, использующего выгодное внешнее пищеварение. Кикимора, делая глотательные движения, разбухала, а жертва, в свою очередь, съеживалась. И к концу трапезы превратилась в кучку костей, обтянутых дырявой кожей.

Отожравшаяся тварь обернулась к нам задом, и на этой части тела невольному зрителю предстало нечто, напоминающее лицо. Глаза были без зрачков, изумрудно-прозрачные. Пока я удивлялся, она оказалась рядом с нами. Я вовремя рассмотрел клапан её сосательной глотки и ганглий в районе анального отверстия – тоже на «передней панели». Туда и выстрелил. Тварь с жалким визгом побежала на циркульных ножках и плюхнулась в водоем, оставив на его поверхности часть внутренностей. Там скрылись и ее более удачливые товарищи.

Конечно, хотелось поскорее свалить, но где ещё такое увидишь? Поверхность водоема стала вялой, ленточки слизи пошли по некогда голубой воде. Из-под поверхности появилась бугристая словно собравшаяся лопнуть голова. Кикимора обернулась драугом. Дружным стадом всплывали и другие

слизняки. А из чащи-рощи появились вурдалаки, значит, добрались своим ходом с нижних палуб. Их пасти высовывались из разомкнутых грудных клеток, издавая скрежещущий звук.

Наконец я обратил внимание на Ариадну – слишком спокойная, может в ступоре?

– Эй, дамочка, не дожидайтесь конца представления, вызывайте такси. Дальнейшее созерцание может нанести ущерб вашему здоровью.

Пара искорок мелькнула в ее глазах и рядом с нами возникла платформа ховерборда. В этот момент ближайший вурдалак прыгнул – я успел почувствовать траекторию полета и разнес его башку с первого выстрела, вниз плюхнулось обезглавленное туловище, продолжая щелкать створками зева. Но к нам направлялся еще один, по отвесной скальной стене, почти скрытый потоками водопада.

Я сгреб Ариадну, которая пыталась изображать величавость, и забросил ее на платформу, следом заскочил сам. Ховерборд стал взмывать, но вурдалак прыгнул на него со скального уступа. Не совсем точно, однако уцепился за край платформы. У моего пистолета в обойме только один боезаряд, надо экономить – может, самому пригодится. Стащил с туфлю с ноги у небожительницы – успел заметить, какая та холеная – и воткнул острым носком в дыхательную трахею монстра. Этого он не стерпел, и улетел вниз, напоследок закашлявшись и брызнув пеной.

Вроде едем. Раз отдышался, то можно и подвинуться поближе к даме.

– Если я правильно понял, Ариадна, возникновение трансформантов имеет прямое отношение к функционированию демов? Маленькие машинки не увидели индивидуальности у господ миллиардеров и не нашли причин для придания им бессмертия. В самом деле, жадность и всякие понты – этого недостаточно. Демы дали свое толкование: имеет смысл лишь бессмертие коллективного носителя, это дает дорогу любым адаптивным изменениям. По сути, они решили обессмертить деньги, вложенные в проект.

Она несколько отодвинулась от меня, показывая, что не стоит нарушать дистанцию. Это я понимаю, учитывая те субстанции, в которых я искупался.

– Только мне непонятно, дамочка, почему ваши демы не изменяют вас?

Ответила без эмоций, как и полагается защищенному человеку, которому до лампочки переживания прочих.

– Они – модифицированы. Скажем, это уже не демы, а энджи,

ангелы. Их главным критерием является не стремление к техническому бессмертию, а поддержание стабильности моего организма.

С каждой минутой всё чудеснее.

– Почему вы не распространите вашу удачную модификацию на всех демов, находящихся во всех носителях? Это, что, только за отдельные деньги?

– Демы защищаются от модификаций, рассматривая их как потенциально опасные для достижения главной цели. Безотказный вариант, когда клиент лежит на операционном столе, а его демы принудительно обновляются через низкоуровневый вход, был упущен. Боялись распугать новых инвесторов и снизить капитализацию.

– А тем демам, что внутри меня оказались, вроде все варианты открыты, резвись не хочу. Но я до сих не трансформант. Они отложили меня на десерт?

– Ваши демы были хакнуты.

Час от часу не легче.

– Кем еще? Они же защищаются от модификаций.

– Кто-то подобрал ключ к их системе безопасности.

– Искин? На Дионе такого нет.

– У демов есть распределенный интеллект стайного типа. Но задачи решаются наиболее эффективно, когда интеллект дополнен сознанием, пусть и машинным. Сознание – это не большие базы данных, не набор программ, пусть даже из огромного репозитория. Это то, что базируется на квантовых феноменах запутанности кубитовых матриц или ваших нейронных микротрубок и формирует «я», как способ отражать реальность. Это всегда объединение, и чем оно шире, тем больше сознания.

У дамы не возникла характерная улыбка: «Вас разыгрывают». А я вспомнил белые крылышки, отражающие свет черного солнца. Какие из них были мои, а какие демов?

– Спасибо, просветили, причем бесплатно. А что от меня-то хотите?

– Это вы хотите – убрать одного человека, который должен заняться зачисткой Дионы от ненужного населения. А я вам помогу.

Похоже, она про Обличителя.

Он, походя, убил моих друзей, натравил на наш затхлый астероид банду Зверей и уродский ЧВК Блекджек. Я бы действительно его грохнул. А зачем это Ариадне – непонятно. Может, дело в личных отношениях. Допустим, она – его жена. И он завел стадо молоденьких телочек. Или того хлеще –

златокудрых мальчиков.

– Разбежались, богиня. Я его грохну, потом на меня спустят всех собак.

– Никаких собак. Зараза распространяется очень быстро, а вместе с ней паника. Вы успеете покинуть «Олимпус».

– А сексом расплатитесь?

Ее рука с готовностью потянулась к кнопке, расстегивающей комбинезон. И опять ни один мускул не дрогнул на холеном словно бы выглаженном лице. Вот они – передовики капиталистического производства.

– Пошутил. Не пользуюсь невинностью дев, пусть даже им сто лет. Мне нужна связь, только настоящая, потом я – в вашем распоряжении. Это условие – окончательное.

Она швырнула мне граненый кубик интеркома – именно швырнула, допёк я ее. И высадилась на один из скальных уступов местной горы, оставив на сиденье такси сумочку, похожую на косметичку.

А я должен был выйти на сервер верфи и закинуть в него ответственное задание.

Нажал на кнопку, словно высеченную из гранита – всё на «Олимпусе» дизайнерское – и в ВР-окне, заслонившем пейзаж, возник грубый логотип верфи. Попробуем экстренный вызов аварийной службы…

Ввел код авторизации – повторил несколько слов, переданных мне перед кончиной экс-директоршей. Не сработало. Тут до меня дошло, что надо применить интерфейс сенсуализации и представить то, что обозначают эти слова. «Кролик» – никогда не видел вживую, но попробуем. «Океан» – это похоже на космос, только голубое. «Седьмое небо» – надо представить место, где всё по кайфу и по справедливости.

Бинго, есть доступ!

– Вызывает Директор-1. Требуется большегрузный транспортер с манипулятором. Для выгрузки топливных блоков реактора на «Олимпусе». И буксир-толкач, чтобы вытолкать его в открытый космос.

Теперь остается надеяться, что ничто не отменит мой вызов.

5. Встреча с Люцифером

Резиденция Обличителя открылась мне через люк, впускающий дронов, которые доставляют пиццу-шмиццу. Мне, в отличие от дрона, пришлось по карнизу над пропастью прогуляться, когда на ступню приходится три сантиметра поверхности и умоляешь стену не отталкивать тебя.

Затем бесплатная экскурсия по резиденции небожителя. Чего только не позволяют учудить материалы, созданные механохимическими манипуляциями с молекулами и кристаллическими решетками. Кровать, размером с поляну, словно парила над пропастью, чему способствовал пол из металлостекла. А матрас смахивал на сонную морскую поверхность, безбрежный такой, с легкой зыбью.

Я прошел через ванную комнату – где освежился в небольшом грозовом облачке – мне ж скоро на встречу с важной персоной. Прогулялся по анфиладе залов в стиле барокко, здесь и картины Рубенса – чуете, астероидники, кого знаю? Они изображают мясистых человекоподобных существ, способных на бесконечное поглощение еды и прочих радостей.

Миновал сумрачный круглый зал с огнем, пылающем на жертвеннике, где стояли статуэтки божеств из какого-нибудь Вавилона с гипнотизирующими глазами вампиров. Может быть, до сих пор акулы большого бизнеса приносят жертвы Молоху?

Побывал в библиотеке, где имелось множество старинных гравюр, изображающих чудовищ. Бумага, которой 600 лет, сохранилась лучше, чем наши накопители информации 20-летней давности. Волк, точнее вурдалак с французской гравюры, представляющей последние минуты в жизни Красной Шапочки, был похож на монстров с «Олимпуса».

По шахте вентиляционного канала добрался до молекулярной кухни, снабжавшей кушаньями хозяина горы. И оказался за огромной никелированной плитой, напоминающей по количеству индикаторов атомный реактор. Зажегся свет, заиграв на никелированных боках сосудов, и кто-то, напевая, стал готовить мясо. Такие мощные, упругие запахи. Это было шоком для меня, никогда не евшего ничего, кроме белковой слизи, сделанной пересоставлением молекул из дерьма.

Повар, наверное, удивился, когда с другой стороны сковороды появился некто со стволом. Удивление было недолгим, потому что он получил по голове той самой сковородой.

Снарядив тележку блюдами, заключенными в платиновые герметичные сосуды, и переодевшись в небесно-голубой

комбинезон повара, я подтащил его к сканирующей поверхности выходной двери. Она считала рисунок кровеносных сосудов его руки и, мягко шипя, разошлась ажурными лепестками. Теперь осталось приклеить повара универсальным клеем, молекула к молекуле, щекастой физиономией к полу – очнется же скоро.

Почти у самой двери я повстречал человека, который торопился навстречу.

– Почему не ждал моего прихода на кухне, ведь я обеспечиваю доставку пищи? – выговаривал человек, чьи глаза-маслины и обширные телеса делали его похожим на джинна.

Я, опустив голову, попытался проскочить мимо. Но джинн перестал признавать меня.

– Так ты не повар.

Его рука пошла к виску – там коннектор трансивера, который сейчас передаст сигнал тревоги. Я попробовал его нокаутировать. Он был ошеломлен, но не выключился и ответил. Я поставил на пути его мощного кулака вилку с длинными зубьями, и вдобавок направил ему в рот кремовый спрей, чтоб визга не было. Он быстро проглотил крем и снова готовился заорать. Пришлось толкнуть тележку ему в живот. Столкновение с массивным предметом согнуло джинна в тугую дугу и помешало крику. Не теряя времени, я, ухватив его за темя, резко приложил головой к тележке. Наконец сработало.

Пару минут ушло, чтобы снять с его лица полимерный слепок и натянуть на мимический каркас с сотней актуаторов. Пригодились вещички из Ариадниной косметички.

Теперь тридцать метров по коридору, напоминающему подземелья рыцарских замков – Дарси ценил наследие предков – в таких разнообразно пытали недовольных вилланов и гноили пленных соперников.

Одновременно это было путешествие по виртуальным апартаментам моей проводницы Ариадны. Она работала дистанционно, заморачивая системы наблюдения.

На входе в жилые покои босса я подставил трофейное лицо под сканирующий луч и услышал от киберсекьюрити:

– Лицо опознано, запах не узнан.

– Много занимался спортом сегодня, – с напором сказал я.

– Форма вашего тела не соответствует биометрии, имеющейся в базе персональных данных.

– Я ж говорю, спортом занимался, подкачался.

– Приложите правую руку к сканирующей поверхности.

Похоже, это провал.

Но Ариадна получила достаточно времени, чтобы расколоть код замка. Дверь распахнулась, открыв покои. Защебетали

квазиживые птички, бросились в глаза яркие краски мультигеномных цветов.

– Я ждал кого-то вроде тебя. Но, сделаю комплимент, лично тебя потерял из виду.

Голос прозвучал то ли сзади, то ли сверху.

– И как, заждались, сэр Дарси?

– Я зря время не теряю. Каждая секунда для меня очень обширна. Ведь я присутствую практически везде. Почти как мои деньги.

Как бы потянуть эти самые секунды и попробовать найти выход из неудобного положения.

– Знаю, вы станете главным божеством, ваши деловые партнеры – младшими богами. На остальных наплевать, пока не заплатят за обновление. Вы же из старинной торговой династии, где «купить подешевле и продать подороже» является нравственным императивом, запечатленным в генах. Мамона, как вам такое имечко? Извините, Мамона, но мои особенные демы сейчас обменялись кодами модификации с вашими.

– Шаг вперед, не оборачивайся, – голос стал злее. – У тебя ничего не выйдет. Запущен протокол безопасности и коды, переданные твоими демами, вычищаются.

– Вы с самим чёртом на короткой ноге.

– Если ты забыл, я – хозяин всех демов, как и большинства других интракорпоральных машин. И те, что внутри тебя, вскоре начнут твое уничтожение – я дам им низкоуровневую команду, от исполнения которой не уйдешь. Впрочем, ты еще пригодишься для анализа модификации твоих демов. Начнем с паралича; сейчас в твои синаптические щели втекают антагонисты ацетилхолина.

Я разом был парализован и рухнул головой в цветочный горшок, где на одном стебле благоухали розы и хризантемы. Затем оказался на операционном столе – точнее, столике для карточной игры. Мной занимался продвинутый робохир, с множеством щупалец, снабженных скальпелями, троакарами, иглами. Чёртовы «антагонисты» расширяли мои зрачки и заставляли греметь сердце.

– Мы покопаемся в тебе и поймем, кто хакнул твоих демов. Узнаем, как они взаимодействовали с твоим сознанием. Тебя в итоге не станет; но это пойдет на пользу науке, что возможно тебя утешит.

– Знаю я вашу науку поднимать бабло, – а горло-то не очень слушается.

Дарси на время сколол, но робохир жужжал приводами, готовясь к операции.

Я чувствовал блокаду каждой своей точки и ничего не мог с ней поделать. Эх, если бы кто-то разомкнул эти захваты. Раз сто повторил нехитрую мысль, а на сто первый щелкнуло. Сильно уставшими от яркого света глазами, однако с возвращенными в нормальное состояние зрачками, увидел пацана лет десяти. Его рук дело.

– Ты кто, прекрасное дитя?

– Я – Ноэль Дарси.

– А Дарси, который Бернард – твой папа?

– Нет – дядя.

– Один хрен, я сваливаю.

– Сперва убьешь этого проклятого ублюдка. Я тебе уже помогал, как дабл, и блокировал сигналы в систему безопасности о твоем проникновении.

Значит, Ариадна была вторым телом этого пацана, который срисовал её с Инги. И никаких энджи у дабла нет, потому что это не человек.

– Ты что, не любишь дядю?

– Он любит гладить мою попку, а наследство оставит своим клонам, которых ему сделать, как посрать, методом ядерного трансфера. Если вообще сдохнет когда-нибудь.

Ага, новое поколение раздражено тем, что старое не собирается уходить, хочет его поторопить.

– А Обличитель – случаем, не ты?

– И что? Я сделал этот дабл очень похожим на дядю.

Попку ему, видишь ли, потрогали; небось, не очень-то и возражал. Будь он постарше, на куски бы его порвал. Может, это он для затравки и Липски убил?

Засранец, прежде чем упорхнуть, перепрограммировал робохира и тот теперь вливал мне агонистов ацетилхолина. Так что я смог прекрасно рассмотреть Дарси, когда он появился снова. Изумрудный лик, рубины очей, прозрачные кожные покровы, хромированный стебель позвоночника, хрустальный цветок мозга, мужские и женские гениталии. И под этой оболочкой копошились демы, те самые, что распространялись по миру вслед за его деньгами.

Лишь бы он не догадался раньше времени, что я его уделаю, так что оперативно закатываем глаза и беспомощно стонем.

Пока я паясничал, почувствовал инерцию – с «Олимпусом» что-то происходило. Как будто отстыковка. И двигатель не функционирует. Выходит, Диона отреагировала на мой вызов.

Что ж, пора кончать с разукрашенным перцем. Осознав разом конечности, я слетел со стола. Оружие нашлось, топор из средневековой коллекции. Завидев его, хозяин коллекции сразу

бросился удирать. Займемся метанием на меткость. Сэру попало промеж лопаток, но, увы, только топорищем. А на меня набросилась какая-то фигура, похожая на сфинкса. Пока я пытался управиться с ним с помощью цепа из той же коллекции, Дарси улизнул в окно, которое было раскурочено массивной мебелью, сыгравшей роль тарана по его приказу.

Управиться со сфинксом не удалось, ударом лап он выбросил меня в то же окно. С высоты три километра. По дороге я понял, что это моя экс-жена, которая полностью преобразована демами. Прическа-то похожая и та же родинка над бровью. Вот чем закончилась ее артистическая карьера в высших сферах. Наверное, она еще подумала: «Это тебе, Шурик, за то, что променял меня на молоденькую». Дурочка. Да и я дуролом, что не променял.

Искусственная сила тяжести тут была невелика – где-то четверть от земной. С помощью цепа я уцепился за антенну резиденции, изменил направление и вслед за Дарси влетел в шлюз ракетной капсулы. Ясно, что он собирается свалить с Олимпа, у него-то есть информация о грозящей опасности. На пороге шлюза он попытался отвадить меня ударом ноги в лицо. Я блокировал удар, не совсем удачно, потому что работал на захват; зато он, инстинктивно поджав ногу, втащил меня в капсулу. Ее люк закрылся и она скользнула по направляющим.

Я, выплюнув зуб, обернулся к противнику.

– У тебя осталась одна пуля, – радостно сообщил Дарси, – сведения от твоего пистолета. Для меня одной мало. Не хочешь на себя израсходовать?

– Хочу спросить. У вас же всё было. Имею в виду людей вашего класса. Денег куда больше, чем у миллиардов тех, которые копошатся под вами. Контроль над рынками семян, эмбрионов, органов, производство готовых потребителей – франков. Зачем вам еще понадобились демы? Вы что решили стать новой расой на костях старой?

– Мы и есть другая раса, раса свободного духа. Сейчас духовное и физическое должно было прийти в соответствие, освободив нас от оков привычного мира. Мы это заслужили, мы – потомки тех, кто возглавлял крестовые походы и покорял континенты…

– Освежёвывал континенты. Поделите вашу свободу на несвободу тех, из которых вы высосали все соки. Убить или продать аборигенов, хорошо заработать на их страданиях – это то, на что способен ваш «свободный дух».

– На это многие способны, а мы можем подчинить это высшей цели и довести до конца. Думаешь, деньги – наша единственная

цель? Нет, это источник энергии, как кровь для живого организма. Наша цель – сделать человека богом, дать ему полный контроль над жизнью и смертью, вывести из ловушки материальных обстоятельств и случайностей. Пусть не всякого человека. Движение вперед всегда являлось уделом героев, использовавших работу косной массы.

– Не смущает, что вы, используя других как «косную массу», в итоге сами стали орудием ксеножизни? Вы попользовались другими цивилизациями и культурами, а теперь демы употребили вас.

– Я готов с этой жизнью сотрудничать, договариваться. Человек не создан Богом с нуля, а всегда был своего рода «открытым сообществом», которое вбирало в себя генетический материал извне. Этот процесс продолжается до сих пор, в человека включается обширная техноперифериия, в мужчину женское, в женщину мужское. Космический организм уже вмешивался в формирование человека и мы были носителями в какой-то стадии его жизненного цикла. Вампиры, вурдалаки – явные проявления этого вмешательства. И как из обезьяны появился Адам?

– А как появился Каин? Почему вы решили, что она станет договариваться именно с вами? Может, она договорится со мной, вместо того, чтоб зарабатывать для вас новые триллионы баксов.

– Не смеши. Ты – пустое место, удачливое до поры; как только Инга терпела тебя десять лет.

Теперь ваше слово, товарищ «Глок». Всего один выстрел. Увы, пришлось стрелять не в Дарси; в самом деле, одна пуля вряд ли бы причинила ему особый ущерб.

Зато капсула, пробитая пулей, отправилась обратно; система универсальной защиты не позволила ей ускользнуть с «Олимпуса», дав команду на возвращение.

– Привет от пустого места.

Мой оппонент психанул – не умеют такие, как он, принимать трудности. У Дарси разом треснула его грудная клетка, превратившись в зев. Да он не только трансформант, но и метаморфант, быстро меняющий форму в любую сторону.

– Берсенефф, тебе не убить меня, мне жить тысячу лет. Ведь я вдыхаю жизнь в жилы новой цивилизации. А ты по-любому труп.

Тут капсула, у которой был выстрелом поврежден стабилизатор, ударилась об утес местной горы, потом еще раз; и развалилась, не долетев до стартового шлюза. Последние слова, которые услышал я от Дарси, были: «Что, надежда умерла раньше тебя?».

Пустая синь, выпивающая из меня тепло, метущееся сердце.

Падаю, набирая ускорение. Но мне удалось ненадолго отрешиться. Границы моего тела резко увеличились. От меня разлетались белокрылые бабочки сознания, объединяющие меня и демов, я чувствовал потоки ветра на сотни метров от себя.

Надеждой стал кусок обшивки капсулы, который я смог ухватить. С помощью этого крыла начал ловить потоки воздуха, потренировался же при полетах с Асукой.

Но Дарси врезался в меня, лязгнув створками зева. Из-за него я действительно потерял надежду – кусок обшивки. Оставалось последнее – не дать хозяину «Олимпуса» благополучно приземлиться.

Спустя тридцать секунд я ухватил его за ногу.

Мой взгляд приковала водная поверхность внизу. Сейчас на ней распускался «цветок» – гроздья пузырей из аэрогеля, и число их прирастало в геометрической прогрессии. Система универсальной защиты не забыла о Дарси, его встречала подушка безопасности. И меня заодно.

Падение на гроздь пузырей напоминало миллион ударов мокрым полотенцем. Лишь когда оказался в воде, то понял, что жив. Оппонента я выпустил и потерял из виду. А он меня – нет. Вскоре меня атаковало создание, напоминающее и вурдалака, и моллюска – мантия, щупальца.

Бросок моллюска и содрана кожа с моего предплечья – капельки крови растворяются в воде, оставляя темный след. Дарси тащит меня вниз, хотя мог бы сразу перекусить пополам; хочет, чтоб я еще помучился. Судорожный вздох и мои легкие заполнила вода – тридцать секунд удушья и затем… я могу снова дышать. Волна сокращений проходит в моих легких, которые заработали в десять раз активнее, чем раньше – мне доступно жидкостное дыхание, спасибо моим демам. А человекообразный моллюск как будто растаял в голубизне воды. Но я почувствовал на дальних границах своего тела, откуда придет следующий удар. И сэра Дарси встретил осколок палладиевого стекла, который я захватил из его резиденции. Полоснул его еще пару раз, когда он пытался ухватить меня своими щупальцами и подтащить к пасти. Выпуская обильные клубы крови, великий вампир с перерезанными артериями отправился на дно. А я стал подниматься к поверхности.

6. Если б это был эпилог

Из-за преграды, построенной мной с помощью бухт троса, слышалось мычание драуг. У меня было время подобрать им квазинаучное название. Это ооцисты в цикле жизнедеятельности демов. Драуги не лезли ко мне, после того, как я уложил парочку из них куском арматуры у входа в свое убежище, точнее в бывший бар. Был невежливым, потому что ооцисты должны вскоре произвести юрких спорозоитов, известных мне как упыри. Затем часть спорозоитов перейдет на следующий этап в жизненном цикле и превратится в гаметоцитов-вурдалаков; возникнет зев на месте грудной клетки…

По счастью, драуги не оставили трупы своих коллег гнить на том же месте, а оттащили и сожрали, фыркая от натуги, когда грызли кости. Минусом было то, что я долгое время почти не спал. Драуги вряд ли бы вскоре полезли снова, а случайно влетевший упырь мог бы поживиться мной. Лишь несколько часов длилось отдохновение, когда мимо прошествовал лев-качок из подвигов Геракла. Его инстинкты освободились от воздействия психософта и на клыках повисли чьи-то кишки. Драугов он частично подрал, частично распугал.

С выпивкой на этом месте жительства было нормально, с закуской не очень – говорящие чипсы осточертели быстро. Сказать «я тебя не слушаю, потому и скушаю» было недостаточно, они протестовали…

От скуки и страха я вспоминал стихи, что читала мне бабуля в детстве. «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня, черноглазую девицу, черногривого коня». Интересно, на что похож конь?

Моя темница на своем пути не встретится ни с одним небесным телом и выйдет на гелиоцентрическую орбиту с большим периодом обращения вокруг Солнца. Но вурдалаки или упыри не дадут мне умереть мирной алкогольной смертью.

Однажды, когда я почувствовал цветок вурдалачьих челюстей совсем рядом, Олимп вздрогнул. Ощутилась тряска, характерная для разгерметизации. Из-за преграды высунулась басисто скрежещущая пасть. Вот и всё. Но раздалось несколько выстрелов и тварь разнесло в клочья.

Я, рухнув из-за алкоголя и изнеможения, увидел над собой лицо Зои, затем почувствовал ее пальцы, проверяющие мой пульс. И поплыл от счастья.

– Я того? Но видение мне нравится. Еще лучше, если б это наяву. Ударьте меня по щеке для проверки.

– Хочешь хук слева?

Зоя-то щуплая, а врезать может прилично, потому что принимает "спиди", диффузный наноинтерфейс, ускоряющее нервно-мышечные процессы. При мне нокаутировала торгаша, который продавал поддельную виагру.

– Не надо, всё осознал. Но ничего не понял.

– Диона, свергнув власть Альянса, ушла в Евразийский союз. И выслала манипулятор для размонтирования топливных блоков корабля, когда получила твой сигнал. Потом мне пришлось догонять «Олимпус» на самоходной буровой платформе и пробивать его обшивку с помощью атомного бура.

– Почему ты?

– Больше нечего сказать, старый дурак? Потому что дала тебе последний шанс. И, если честно, себе тоже. У меня, может, через пять лет усы над губой начнут пробиваться. У брюнеток на астероидах такое часто бывает из-за гормональных сбоев.

– Над какой губой?

– Над верхней, конечно.

– Тогда надо поторопиться.

Поцеловал её. И тут пришлось стрелять, потому что из-за преграды полезли монстры – экс-олимпийцы – и удирать. Дырка в корпусе, проделанная буром, была уже заштопана системой универсальной защиты. Так что мы дали дёру с «Олимпуса» через мусорный отсек, где удалось взломать шлюз и ввести код выброса…

Позднее, от своих корешей, узнал, что Зоя была заводилой при отчаливании Дионы от Альянса. Вовсю участвовала в перестрелках дионского ополчения с «Бледжек», когда удалось частью положить, частью прогнать эту сволочь. Получила заочный смертный приговор от суда внешних территорий ООН. И фактически на верную смерть шла, когда Альянс выслал к Дионе группу боевых кораблей с десантом. В самый последний момент стая боевых дронов российского космофлота пересекла их операционные линии. Случилась пара стычек, в ходе которых эскадре Альянса прилично накостыляли и ему пришлось идти на переговоры.

Истекло еще несколько месяцев. Демы то ли исчезли из моего тела, распались, то ли затаились, наблюдают – поскольку способны к обратной связи не только с соматикой, но и с психикой носителя.

Поскольку Хауэр пропал, верфь перешла народу, точнее, стала артельной. Возник китайский заказчик – теперь она клепает космические ульи для индонезийских мигрантов. Возродилась идея делать супербалкеры для перевозки руды. Русские отбили у

Альянса пару секторов в Поясе и собираются строить на астероиде Психея металлургический комбинат с поэтичным названием «Психомагнитка». Зоя работает в народной полиции, я – всё тот же охранник, борюсь с несунами и воришками, только теперь народной собственности; хорошо хоть нарконавтов куда меньше стало и рейдеры рассосались.

Мы с Зоей так и не раскачались, чтобы съехаться вместе. Наверное, оттого что каморка в дюжину метров на нашем астероиде – всё еще недоступная роскошь, хотя евразийские власти начали строить тубхаусы размером с автобус и отдавать их бесплатно семейным. Зато Зоя говорит, что скоро родит ребенка и намекает, что от меня. Кстати, я теперь не Берсенефф, такая кличка для пёсика подходит, а Берсенев Саша Петрович…

«Олимпус», в итоге, не уплыл на далекую гелиоцентрическую орбиту, а свалился на Юпитер, что было зафиксировано орбитальными средствами наблюдения. Сознание демов решило отправиться к матке, которая их породила. Возможно, глубины Юпитера много чего порождали и раньше. Соглашусь с теми, кто утверждает, что в его атмосфере возникает сложная органика, способная к репликации и развитию. Не зря в мифах многих народов главная планета отождествлялась с верховным божеством.

Потом с зондов было зафиксировано присутствие в атмосфере Юпитера живых объектов, напоминающих самолеты с щупальцами, а в подледном океане Европы – существ с человеческими очертаниями и мантиями как у моллюсков. Похоже, демы сэкономили миллионы лет эволюции благодаря жадному и гордому сэру Дарси.